

Эти три стихотворения великого аргентинца я перевёл в разные годы. Они до сих пор отлёживались в письменном столе, и, как мне кажется, складываются в очень верный пасьянс, в котором явлены все черты и пристрастия слепого ясновидца Борхеса.

Элегия парку

Пропал из виду лабиринт. Исчезли
шеренги аккуратных эвкалиптов,
зонты, спасавшие от зноя, вахта
недремлющего зеркала и в нём —
все выраженья лиц, вся мимолётность
минувшего. Застывший циферблат
часов и перевитая плющом
ротонда, и нескромные скульптуры,
таинственное предвечерье, щебет,
терраса и безделие фонтана, —
отныне всё это в былом. В былом?
Но не было начала и предела,
и ждёт нас нескончаемая сумма
янтарных дней и смоляных ночей,
уже мы с вами — прошлое в грядущем.
Мы — время, часть невидимой реки,
мы — Карфаген, Ушмаль^[1] и тень стены
былого Рима, и померкший парк,
запечатлённый этими стихами.

[1] Ушмаль — руины некогда крупного города майя на северо-западе полуострова Юкатан, на территории современного мексиканского штата Юкатан.

Он в памяти почти неразличим
в достойном тёмном сюртуке по мерке,
лоб неширокий, редкие усы
и, как у всех в ту пору, галстук бантом.
Он пробирается в толпе под вечер.
Ушёл в себя и никого не видит.
В трактире перед улицею Пьедрас
кашасу^[2] выпил по обыкновенью.
Его окликнули, он не ответил.
Во взгляде древнее ожесточенье.
Ещё один квартал. Какой-то двор
внезапно окатил его милонгой,
(нет угомона этим пятистрункам),
но на ходу в их ритме плечи сами
качнулись. Подняв руку, он ощупал
клинок, за пояс вдетый под жилетом.
Долг красен платежом. Теперь уж скоро.
Ещё два шага и пришелец замер.
Цветок чертополоха у ворот.
Донёсся от колодца звон ведра
и голос. Он его прекрасно знает.
Полуоткрытую толкает створку:
должно быть, гостя ждали. В эту ночь
его, скорей всего, и умертвят.

Творец

Мы Гераклитова река, мы время:
его неосязаемый поток
безмолвно скрадывает львов и горы,
любовь оплаканную, прах услад,
коварно бесконечную надежду,
названия развеянных империй,
гексаметры античных греков, римлян,
унылый океан под властью солнца
и сон — пожизненную пробу смерти,
оружье, воинов и монументы,
два Янусовых лика, не знакомых

[2] Бразильская водка.

друг другу, мраморные лабиринты
фигур с их происками на доске,
и руку Макбета в крови по локоть,
готового моря наполнить кровью,
часы, их потаённый труд в ночи,
два зеркала бессонных, что глядятся
друга в друга, когда в них никто не смотрит,
литой металл готического шрифта,
коробку с серной палочкой в шкафу,
тяжёлый благовест бессонной ночью,
рассветы и закаты, вечера,
прибой, пески, лишайник, эхо, сны...
Кто я без этих образов? Лишь тот,
кто нарекает скуку и тасует
превратности изменчивой судьбы.
Хотя я слеп и немощен, я ими
обязан сотворить нетленный стих, —
и в этом долг мой и моё спасенье.

Редакция журнала «Этажи» сердечно поздравляет Павла Моисеевича Грушко с девяностолетием и желает здоровья, удачи и новых творческих высот!